

Путь Кейна (сборник)

Автор:

Павел Корнев

Путь Кейна (сборник)

Павел Николаевич Корнев

Чем может пожертвовать человек, лишь бы только остаться самим собой? Честью, добрым именем, любовью? Кейн рода Лейми поставил на кон все – и теперь ему не остается ничего иного, кроме как добиваться заветной цели любыми средствами. Яд и удавка? Кинжал и арбалет? Кейн пустит в ход что угодно, ведь по пятам уже идут охотники за скальпами, инквизиторы и чернокнижники. Вот только неизвестно, куда заведет его пылающая в душе одержимость...

Павел Корнев

Путь Кейна (сборник)

История первая

Одержимость

Высушенный летним зноем терновник полыхал ярким, почти бесцветным пламенем. Почти бесцветным, но от этого ничуть не менее жарким – лепестки огня обвивали сгоравшего заживо демона и танцевали вокруг него хаотический танец очищающего обряда. Вбитые в запястья и лодыжки серебряные гвозди лишили исчадие тьмы всякой надежды на спасение, но оно все же раз за разом

проверяло на прочность загнанные в дерево штыри. Обрывки одежды уже занялись пламенем, и, по мере того как начала обугливаться плоть, рывки становились все слабее, а вопли тише и бессвязней.

Изменивший направление ветер снес на меня серые хлопья пепла, яростный жар опалил лицо, но я продолжил наблюдать за конвульсиями одержимого и не подумав отойти на безопасное расстояние.

Гори, тень тебя заberi, гори! Подыхай, тварь!

Впрочем, если разобраться – демон уже сдох, когда арбалетный болт пробил грудь человеку, в которого тот по неосторожности вселился. Вот уж не думал, что сумеречник не учует серебро. Повезло. Мне повезло – не ему. На такой улов, видит тень, я и не рассчитывал.

Кинув на землю ненужный более арбалет, я швырнул в огонь последнюю охапку хвороста и, вытерев полую белой рубахи вспотевшее лицо, повернулся к топтавшимся неподалеку людям. Должно быть, в глазах отразились отблески пламени, все мои спутники почтительно потупились. Все – даже приставленный дедом старый вояка Кевин Свори. Один лишь священник спокойно выдержал мой взгляд.

Ухмыльнувшись, я поднял с кочки чадающий факел и подошел к пришпиленному к земле кинжалом и двумя ножами косильщику – выбравшейся из Ведьминой плешу на запах крови твари ростом в полтора локтя. Казалось, это кукольный мастер спяну смастерил из корней деревьев на потеху детворе страшилище, но похожие на лезвия серпов длинные когти вполне могли поспорить остротой с клинками работы подгорных мастеров. Оглянувшись на священника, я взмахом руки обдал косильщика каплями горячей смолы, и тот тихонько завыл, опаленный огнем.

– Грешно наслаждаться страданиями других, – приблизился ко мне святой отец.

– Даже адского создания? – прищурился я, разглядывая незнакомого церковника.

Невысокий, плотный, лет за сорок, широкое лицо по имперской моде выбрито. Не будь на нем коричневый балахон братства Святого Патрика, решил бы, что

передо мной мельник или зажиточный лавочник. Вот только глаза...

– Даже так, – уверенно заявил церковник и, сложив на груди руки, прочитал короткую молитву. И столько в его словах было силы, что опаленный каплями горячей смолы демон только раз и дернулся, прежде чем обряд изгнания отправил его сущность обратно в преисподнюю. Тем не менее я вытащил из висевших на поясе ножен короткий меч и несколькими ударами отрубил приплюснутую голову с широкой пастью, полной острых зубов.

От почти прогоревшего куста терновника нестерпимо несло горелой человечинной, так что устроенное священником представление меня несколько не разозлило. В любом случае дольше необходимого задерживаться здесь не стоило – как бы из Ведьминой плечи еще кто на дармовое угощение не явился. Да и ножи давно пора из этого дохлого пугала вытаскивать, пока от ядовитой крови клинки ржавчина не прихватила.

– Какими судьбами вас сюда занесло? – спросил я. – Отец...

– Отец Густав, – правильно понял причину моей заминки церковник. – Я новый настоятель монастыря Святого Патрика.

– Это как раз понятно, – кивнул я и взмахом руки подозвал державшего на поводу мою лошадь Эдвина. – Вопрос был, что вам понадобилось на этой заброшенной дороге.

– Мы решили срезать путь, господин Кейн, – объяснил узнавший меня охранник настоятеля – крупный малый в доходившей до середины бедра кольчуге. К седлу его гнедого жеребца был приторочен стальной шлем.

– По заброшенной дороге? – удивился я, ломая голову, где встречал этого здоровяка раньше. Нет, не припомню. Но он точно из местных: и стрижен по-нашему коротко, и знать меня в лицо приезжий никак не может. Священник вот не знал. – Не думал, что в здравом уме люди так близко к Ведьминой плечи приближаться рискуют.

– А сам как? В здравом уме, нет? – тихонько пробурчал мне на ухо Эдвин и успокаивающе похлопал по крупу мелко дрожавшую Звездочку.

А что я? Подумаешь, у границы прошелся! Да еще не один, а под охраной старины Свори и двух его оруженосцев. Вон со взведенными арбалетами и сейчас от плечи глаз не отводят. В детстве с братом и то дальше забирались. Куда как дальше...

Я перевел взгляд с заброшенной дороги – наглядного подтверждения, что силы тьмы медленно, но неуклонно расширяют свои владения на землях Тир-Ле-Конта, – на Ведьмину плешь и вновь прищурился из-за кусавшего глаза дыма. Отсюда посмотришь – ничего особенного. Разве что листва пожухлая, да сухостоя больше. Ну и небо в той стороне куда темнее. А вот если приглядеться...

Жесткая серая трава, перекрученные чужеродной силой стволы деревьев, лиловые цветки и длинные загнутые шипы неведомых растений. И тишина... Ни птаха не мелькнет, ни кузнечик на той стороне не застрекочет. А уж что здесь по ночам творится...

Эти проклятые земли нарекли Ведьминой плешью вовсе неспроста. Оттуда в наш мир проникали всяческие потусторонние твари, а эманации inferнального зла изменяли растения и животных и превращали их в нечто невообразимое.

– Исчадия преисподней не страшны тем, в ком вера сильна, – начал перебирать четки отец Густав, помолчал и добавил: – Тем более при свете солнца.

– Это не ответ. – Вытащив из седельной сумки флягу, я сделал добрый глоток вина и, закашлявшись, забрызгал рубиновыми каплями рубаху. Ох тень, не в то горло пошло! Это все из-за Эдвина, не иначе – старый слуга смотрел на меня с немым упреком в глазах. Ладно, хоть побоялся при чужих с нравоучениями лезть.

– Мы ожидаем преподобного Карла Арнсона – настоятеля монастыря нашего братства в Арли, – переглянулся с охранником священник. – И решили встретить его в Старых Ключах.

– Зачем по этой дороге-то поехали? – не дал я увести разговор в сторону, почувствовав какую-то недосказанность.

– Последний раз в Тир-Ле-Конте преподобный был несколько лет назад и вполне может отправиться короткой дорогой.

– И что с того? – рассмеялся я. – Его вера не так сильна, как ваша?

– Он просто не представляет, как опасен этот путь ночью, – ответил церковник, смиренно пропуская мой смех мимо ушей.

– Как выглядит ваш гость? – направил к нам своего коня легко вскочивший в седло Кевин Свори – седоусый рыцарь, выполнявший особые поручения моего деда.

– Выглядит лет на полсотни, ростом с меня. Лысоват. На подбородке красное родимое пятно, – перечислив, задумался отец Густав. – Так, Жерар?

– Носит простой серый балахон, на среднем пальце левой руки перстень с вырезанной на рубине печатью ордена, – добавил от себя охранник священника. – Свита в полдюжины человек: слуга и пятеро телохранителей. Путешествуют верхом.

– Не встречали. – Я стянул через голову испачканную гарью, вином и кровью рубаху и кинул ее Эдвину.

Тот, заметив оставленный когтем косильщика след на ребрах, зацокал языком.

Пустое! Поджившая царапина меня уже не беспокоила. Правда, ее все же стоило промыть крепким вином. Хоть серой хворью я в свое время и переболел, но мало ли...

– Точно, никого не было, – закивал мой слуга, доставая из седельной сумки свежую рубаху. – Никак не могли мимо нас проскочить...

– Может, в пути задержался или по объездной дороге отправился, – пробормотал себе под нос священник с плохо скрываемым беспокойством. – Жерар, мы точно засветло до Старых Ключей доберемся?

– Точно, – ответил телохранитель, поправляя висевший в петле обоюдоострый боевой топор. – Только надо поторопиться. Вечереет уже.

– Нас подождите, – неожиданно для себя принял я решение присоединиться к настоятелю монастыря, сделал еще один глоток вина и убрал флягу в седельную суму. – Вместе веселее...

– Нам возвращаться надо, – напомнил мне хмурый Свори, которому уже порядком осточертело со мной нянчиться. А уж тащиться неведомо куда по такому солнцепеку... Он и так весь в своем панцире взопрел.

– Не хочешь совершить богоугодное дело? – скривился я, упорствуя на своем вовсе не из-за особой любви к церковникам. Просто после возвращения в Тир-Ле-Конт разговор с дедом предстоит не из приятных, а до завтра, глядишь, он чуток поостынет. – Поехали, развеемся...

– Хорошо, – кивнул поджавший губы Свори, не решившись оспаривать приказ. – Кольчугу надень.

– Еще чего! – фыркнул я, не собираясь накидывать поверх рубахи даже камзола, и забрался в седло.

Старому рыцарю было поперек горла выполнять приказы мальчишки полутора десятков лет от роду, да только деваться некуда: пусть княжеский перстень рода Лейми и унаследует мой старший брат, я, как ни крути, тоже внук своего деда. Ничего, недолго охране меня терпеть осталось – давно уже пора к отцу в Альме возвращаться.

– Рони! Нож мой принеси! – прикрикнул я на одного из оруженосцев. – Только смотри до листокрута не дотрагивайся. И лезвие не лапай, протри сначала!

– Сам бы забрал... – не отказал себе в удовольствии поворчать Свори, который вовсе не пришел в восторг от того, что парню придется углубиться на десяток шагов в Ведьмину плешь. Да еще вытаскивать метательный нож из излишне любопытной твари, пришпиленной к дереву моим броском.

– Мог бы – забрал бы, – отрезал я, проверяя, насколько хорошо очистилось от крови демона лезвие кинжала.

Сейчас смешно вспомнить, но, когда отец узнал о моих с братом вылазках в Ведьмину плешь, влетело нам изрядно. Тогда он и требовал с нас обещание никогда больше не соваться в это проклятое место. И об этом обещании не преминул мне перед поездкой в Тир-Ле-Конт напомнить.

Свори, вокруг глаз которого залегли глубокие морщины, дождался, пока Рони – долговязый белобрысый парень всего на пару лет постарше меня – высвободит из старого вяза метательный нож и вернется к нам, и принялся придирчиво осматривать снаряжение оруженосцев. Усиленные зеркалами кольчуги, шлемы с бармицами, толстые кожаные штаны и куртки могли пригодиться на случай схватки с разбойниками или демонами из плеша, но в такую жаркую погоду в них можно было запросто свариться заживо в собственном поту.

Я вытер лоб и оглядел пронзительно-голубое небо. В том – ни облачка. И хоть дело уже близилось к вечеру, солнце жарило просто невыносимо. В последний раз окинув взглядом сгоревшее почти до костей тело, я дождался, когда священник заберется на невысокого смиренного конька, и направил Звездочку на заброшенную дорогу, обочины которой заросли высокой травой.

Свори тут же закончил устраивать разнос младшему из оруженосцев – круглолицему и полноватому Анри, не от большого ума расстегнувшему усиленную бронзовыми бляхами куртку, нагнал меня и поехал рядом. Передавший через него нож Рони ускакал вперед проверять дорогу, а его проштрафившийся товарищ плелся сзади, глотая поднятую копытами пыль.

Я убедился, что Эдвин не отстал, собирая мои пожитки, вытащил флягу и отхлебнул немного. Подумал – и протянул вино Свори.

Знавший меня с пеленок рыцарь сделал один глоток, вытер длинные усы и спросил:

– Стоило оно того?

– Да, – без колебаний ответил я и убрал флягу в седельную суму. – Стоило.

– А по мне, так скормить душу человека демону самое последнее дело, – вздохнул телохранитель, глядя куда-то в сторону.

– Фредерик умирал три седмицы, – сплюнул я в дорожную пыль и оглядел открывшийся по левую сторону дороги широкий луг. – Три седмицы он гнил заживо только из-за того, что этот ублюдок Дункан отравил клинок! А лекари даже не могли унять его боль! Вот тогда я и пообещал устроить так, что смерть этого недоноска ни на тень не будет легче. Я слово сдержал. Кровь за кровь и прах к праху.

– Это детство в тебе играет, сынок, – возразил старый рыцарь и, приложив ладонь ко лбу, осмотрел неровную стену кривых деревьев, отделяющую нас от Ведьминой плещи. – Видят тени, со временем начинаешь понимать, что для человека нет никакой разницы – четвертуешь ты его или без затей снесешь голову. Важен лишь результат.

– Угораздит угодить в ад, скажи об этом Дункану, – хмыкнул я. – Бедному ублюдку, который думал, что умнее всех.

– Не стоило тебе возвращаться в Тир-Ле-Конт, – нахмурился Свори. – Если князь узнает, как ты обошелся с Дунканом, я тебе не завидую.

– Не если, а когда, – скривился я и вновь достал флягу с вином. – Плевать.

– Храбришься? – Седоусый рыцарь посмотрел на меня так пристально, словно собирался сосчитать глотки.

– Учусь отвечать за свои поступки. – На солнцепеке вино моментально ударило в голову и развязало язык. – Будь что будет, и гори оно синим пламенем. Жаль только, святоша с косильщиком все испортил...

– Тень тебя заberi, Кейн! – раздраженно хлопнул Свори ладонью по луке седла. – Разве я не учил тебя, что ненависть слишком опасна? Она дурманит голову и мешает... устранить врага наиболее простым способом именно тогда, когда это необходимо. Запомни: простота залог успеха, а своевременность – долгой жизни.

– Знаю, – лишь улыбнулся в ответ я.

– Тогда откуда в тебе это? – понизил голос рыцарь, перехватив украшенные серебряной чеканкой поводья Звездочки. – Откуда? Какой толк охотиться на демонов? Скольких ты сегодня убил? Четверых?

– С сумеречником – пятерых, – обернулся я посмотреть на торчавшую из земли каменную стелу.

Всего шесть лет назад, когда мы с отцом только уезжали в Альме, до Ведьминой плечи отсюда было версты три, не меньше! А теперь вот она – рукой подать.

– Капля в море! Даже разрежь ты на куски и поджарь на медленном огне сотню сумеречников, это ничего не изменит. Имя им – легион. Один тайнознавец чарами или вон – церковник молитвой за день изгонит демонов больше, чем ты сожжешь за всю свою жизнь!

– Изгонит? Обратно в преисподнюю? И что это изменит? – оскалился я. – Подумаешь, домой вышвырнули! Вернутся! Вот сумеречника я навсегда во тьму отправил! Сдох он! И косильщик бы сдох, не помешай мне церковник!

– Да какое тебе дело до этих проклятых созданий?! – взорвался Кевин Свори. – Изгнали, и ладно! Забудь!

– Они принесли серую хворь, – взглянул я в глаза старому рыцарю, которого при упоминании лютовавшей в Северных княжествах дюжину лет назад болезни так и перекорежило. И было от чего – зараза эта выкосила почти каждого десятого жителя Тир-Ле-Конта. Мы с братом тоже от нее не убереглись, но смогли выкарабкаться. Мы смогли, а мама – нет.

Ничего не ответив, Свори протянул руку, и я передал ему вытащенную из седельной сумы флягу. Дождался, пока помрачневший рыцарь вернет ее, и допил плескавшееся на донышке вино. Дальше мы ехали молча.

Конь Рони взвился на дыбы, когда дорога вильнула, огибая неглубокий овраг, и вплотную приблизилась к заросшей высокой травой канаве. С трудом

удержавшийся в седле оруженосец слишком поздно заметил трех черных зверей, которые в ярком свете солнца казались стремительными каплями первородной тьмы. Прицелиться он толком не успел, и арбалетный болт впустую прошел намного выше рванувших через овраг к Ведьминой плещи нюхальщиков. Напоминавшие горбатых волков с острыми вытянутыми мордами твари в один миг взобрались на пологий склон и метнулись через небольшое поле к спасительным зарослям терновника.

Не обратив внимания на предостерегающий крик Свори, я пятками направил лошадь наперерез и вытащил седельный меч. Ну же! Быстрее!

Ветер начал раздувать рубаху, и я понесся по лугу, только тень знает каким чудом удерживаясь в седле. Мелькнуло опасение, что на пути может подвернуться кротовья нора, но вино и азарт мигом вышвырнули из головы эти никчемные мыслишки. Замахиваясь мечом, я орал от восторга.

Словно шкурой почуяв опасность, нюхальщик метнулся в сторону, но длинный клинок все же чиркнул его по загривку. Легко рассекшее плоть демонического создания лезвие угодило меж костяных пластин, и в следующий миг рукоять вырвало из моей вспотевшей ладони.

Натянув поводья, я выскочил из седла и вооружился коротким мечом и кинжалом. В глубоко посаженных черных глазах раненого демона вспыхнули багровые огоньки безумия, и он зубами попытался перехватить лезвие. Легко сместившись в сторону, я наотмашь врезал ему по уху витой гардой и сразу же ткнул во впалое брюхо зажатым в правой руке коротким клинком. Завизжав от боли, тварь припала к земле, но подоспевший Свори выстрелил из арбалета ей в голову.

– Кто учит тебя управляться с мечом, мальчик? – с упреком выдохнул он и привстал на стременах, наблюдая за зарослями терновника, в которые нырнули уцелевшие нюхальщики.

– Никто, – ответил я, поднимая с земли седельный меч, а затем на ватных ногах поплелся к отбежавшей к оврагу Звездочке.

– Оно и видно, – язвительно заметил Свори, направив коня вслед за мной.

– Просто рука вспотела, – отмахнулся я, забираясь в седло, и закусил с досады губу.

В голове шумело, сердце колотилось, а в пересохшем рту стоял мерзкий привкус желчи. Тень! Как же неудачно с мечом получилось! Теперь въедливый старикан всю дорогу пилить будет, еще и деду о моей промашке расскажет.

– Конечно-конечно, с кем не бывает, – глумливо кивнул седоусый рыцарь, спускавший за подобную оплошность со своих оруженосцев семь шкур. Он перестал улыбаться и дернул себя за ус. – В Альме что, так сложно хорошего мечника найти? Или Патрик на тебя совсем рукой махнул?

– Предыдущий наставник считал, что без шишек и тумачков его уроки пройдут для меня впустую. – Звездочка тихонько побрела через луг обратно на дорогу, но я не стал ее подгонять. – Пришлось отказаться от его услуг.

– Зря, может, хоть так бы из тебя толк вышел.

Рыцарь взмахом руки вновь отправил Рони вперед, и мы поскакали следом за умчавшимся по дороге оруженосцем.

– Вряд ли, – с сомнением покачал головой я и глотнул из протянутой мне фляги. Холодная вода смыла привкус желчи, но сейчас куда уместней оказался бы глоток вина. – Отцовским лекарям так и не удалось приживить ему пальцы на правой руке.

– Ты сказал – предыдущий наставник? – внимательно глянул на меня Свори. – А что нынешний?

– Пока еще не встречались, – усмехнулся я. – Отец перед самым отъездом нанял какого-то моряка.

– Оболтус, – с затаенной гордостью – не столько лично за меня, сколько за уроженца Тир-Ле-Конта – усмехнулся Свори в вислые усы.

До Старых Ключей – небольшой деревеньки на самой границе с княжеством Арли – мы добрались уже ближе к вечеру. Дневная жара к этому времени спала, и я накинул поверх запыленной рубахи камзол. Иначе имелся риск быть заживо съеденными комарами, коих в этой болотистой местности водилось просто несметное количество. Немного успокоившись при виде ограждавшего поселение в полсотни домов частокола Свори разрешил оруженосцам снять шлемы, и те с наслаждением подставили раскрасневшиеся лица посвежевшему за время пути ветру.

Дежурившие на воротах и дозорной вышке караульные при нашем появлении даже усом не повели – прямо за околицей остановился на ночлег идущий в Тир-Ле-Конт имперский караван. Несколько десятков работников споро разбивали шатры и палатки, а дюжина стражников следила, как бы местные оборванцы не прокрались к фургонам, из которых уже выпрягли лошадей. Надутый от собственной важности тип – не иначе староста или еще какой прыщ на ровном месте – в компании с купцом ходил по пятам за ставившим защитные чары тайнознатцем.

– Остановимся на ночь? – предложил я, заметив нескольких симпатичных и не очень девиц, с интересом посматривавших на обозников.

Прохаживавшиеся поблизости крепкие парни только подтвердили мою догадку о причинах такого интереса. Все верно: почти все торговые обозы из Империи, что направлялись в Тир-Ле-Конт через Арли, останавливались на ночевку именно здесь. А народец у нас ушлый, давно сообразил, на чем лишнюю монетку заработать.

– Нет! – рявкнул перехвативший мой взгляд Свори.

– А вы, святой отец, что скажете? – повернулся я к настоятелю монастыря. – А назавтра вместе с караваном поутру в путь двинетесь.

– Если нашего гостя нет в Старых Ключах, мы все же попробуем его нагнать, – вздохнул отец Густав. – Иначе, боюсь, может сложиться не самое лучшее мнение о нашем гостеприимстве.

– С проверкой едет? – догадался Свори и, усмехнувшись, оглушительно засвистел.

Сопровождавший обозного тайнознатца мужичок, на колпаке которого серебряной нитью был вышит герб Старых Ключей, развернулся, открыл рот для гневного окрика и... мигом растерял весь свой гонор, узнав моего телохранителя.

– Живо сюда! – рявкнул седоусый рыцарь, грозно похлопывая кожаными перчатками по луке седла.

– Чем могу служить, господин Свори? – заискивающе заглянул ему в глаза помощник старосты и принялся теревить сдернутый с головы колпак. На широком поясе с чеканной медной пряжкой висел здоровенный тесак, но, судя по украшенным серебряными клепками ножнам, нацепляли его исключительно перед приходом важных гостей.

– Патриканыцы у вас остановились?

– Нет, господин Свори, – искоса глянув на коричневый балахон святого отца, опустил глаза помощник старосты, постная морда которого прямо-таки напрашивалась на добрый пинок сапогом.

– Мимо они проехали, – подсказал пожилой стражник в выгоревшем на солнце и застиранном до серости дублете с распушенной почти до пупа шнуровкой. На перекинутом через плечо ремне, с которого свисал в потертых ножнах пехотный меч, вместо обычной застежки темнела княжеская черная роза. Выходит, за порядком сюда приглядывать направили.

– Давно проехали? – уточнил рыцарь, потеряв всякий интерес к переминавшемуся с ноги на ногу помощнику старосты.

– Часа с два назад. До «Наковальни» засветло успеть рассчитывали, – ответил стражник, задумчиво погладил короткую бородку и слегка поклонился настоятелю монастыря. Даже не поклонился – так, наметил поклон. Оно и понятно: не в Империи, чай. Пусть спасибо скажут, что дед их монастырь вообще не закрыл. Из Ронли вон давно всех церковников взашей выгнали.

– Благодарю, – кивнул ветерану рыцарь и повернулся к отцу Густаву: – Вас проводить?

– Будем очень признательны, – не стал скромничать священник. – Как бы ночь в дороге не застала.

– Зачем? – усмехнулся я. – Разве страшны исчадия преисподней тем, в ком вера сильна?

– А разбойники? – вздохнул отец Густав. – Не всякого безбожника удастся вразумить молитвой и проповедью. А как говорил святой Патрик: нет никакой доблести сложить голову из-за пустого бахвальства.

– Тогда в путь! – скомандовал Свори, не дав мне придумать хоть какую-нибудь причину для ночевки в Старых Ключах.

Я привстал на стременах, собираясь приказать поворачивать обратно, но поймал укоризненный взгляд Эдвина, передумал и направил Звездочку вслед за остальными. Все равно до Тир-Ле-Конта сегодня добраться уже не успеем, а что Старые Ключи, что «Наковальня»... одна тень.

За оградой «Наковальни» – постоялого двора, выстроенного на месте заброшенной кузницы, – выл пес. Выл, выл и выл. Не смолкавший ни на мгновение собачий плач действовал на нервы, и насторожившийся Свори велел оруженосцам проверить оружие, надеть шлемы и держать ухо востро.

– Кейн, кольчуга! – напомнил мне рыцарь.

– Забудь, – буркнул я, хоть и понимал, что дело, скорее всего, действительно нечисто. Будь на постоялом дворе все в порядке – пес давно бы уже получил поленом по хребту. С другой стороны – лиходеи этот вой тоже бы терпеть не стали.

И все же что там стряслось? Места здесь глухие, может, и вправду стоит кольчугу надеть?

– Мальчишка... – прошипел седоусый рыцарь и скомандовал: – Не отставать!

– Старый пердун, – не остался в долгу я, но Свори, к счастью, ничего не расслышал.

Когда мы подъехали к высокому бревенчатому забору, из-за которого торчала островерхая крыша двухэтажного постоянного двора, тоскливый собачий вой сменился яростным лаем и лязгом цепи носившегося по двору пса. Свори соскочил из седла на землю, обнажил меч и велел вооружившимся арбалетами оруженосцам следовать за ним и не лезть вперед.

Жерар, настороженно озираясь по сторонам, вытащил из петли боевой топор, настоятель, бормоча себе под нос молитву, начал перебирать четки.

– Жди здесь! – Я кинул поводья Звездочки Эдвину, и тот попытался всучить мне свой взведенный арбалет.

– Оставь себе! – отказался я и, достав пару метательных ножей, отправился вдогонку за шагнувшим в распахнутые ворота рыцарем.

– Эй ты! Брось меч! – рявкнул на кого-то Свори, когда хрипый лай цепного пса резко оборвался и слышался жалобный скулеж. – Живо!

Молодой парень в накинутом поверх кольчужной безрукавки плаще разжал руку и уронил тяжелый полесский меч рядом с затихшим кобелем.

Свори указал Рони на конюшню и начал медленно приближаться к бойцу таким образом, чтобы не перекрыть линию стрельбы второму своему оруженосцу.

– Что здесь происходит?! – потребовал он объяснений.

Рыжеволосый крепыш промолчал, по его веснушчатому лицу покатались крупные капли пота. Я решил, что на местного уроженца тот не похож. Скорее уж это подданный герцога Йорка. Там все через одного рыжие и конопатые.

– Вы кто такие?! – вдруг заверещал выскочивший на крыльцо постоянного двора худой старик в серой хламиде, подпоясанной обрывком простой веревки. За его спиной в двери появился еще один вооруженный человек – плечистый детина, заросший длинной черной щетиной.

– Что здесь происходит? – уже спокойней повторил вопрос Свори, который моментально заметил и красноватую кляксу родимого пятна на подбородке старика, и печатку с крупным рубином. Заметил, но команду опустить арбалеты оруженосцам так и не дал.

– Ваше преподобие! – замахал руками отец Густав. – Все в порядке, это мы!

– О! Дорогой друг! – обрадовался старикан, но как-то не очень уверенно, будто был немного пьян.

– Это преподобный Карл Арнсон! – сообщил нам священник.

– И все же, что здесь происходит? – совсем спокойно, тихо и скучно поинтересовался седоусый рыцарь в третий и, видимо, последний раз.

Что обычно следует дальше, мне было прекрасно известно, а потому я отступил к забору и перевел взгляд на дверной проем. Как бы сейчас заварушка не началась. Тем более что охранник настоятеля арлийского монастыря уже поднял с земли свой меч.

– Разбойники напали на постоялый двор, – впервые удостоил нас ответом преподобный Арнсон. – К сожалению, мы опоздали и смогли спасти только дочку хозяина.

Свори взбежал на крыльцо и спросил:

– Где она?

– В доме, – ответил церковник, жестом велел второму своему охраннику освободить рыцарю дорогу и отвернулся от подскочившего к нему отца Густава. – Только прошу, не мучайте ее расспросами, у девочки небольшое помутнение рассудка и она почти не говорит.

– Хорошо, – кивнул Свори и зашел в дом.

Я спрятал метательные ножи и поспешил за ним. Гнало вперед не столько любопытство, сколько трезвый расчет – на постоялом дворе наверняка полно

снеди, а у меня во рту с утра маковой росинки не было.

Впрочем, все мысли о еде испарились, стоило ударить в нос тяжелому запаху смерти. Первый труп лежал прямо за порогом: одному из охранников церковника размозжили голову чем-то тяжелым. Крови было столько, что пропитавшийся ею серый плащ показался в тусклом освещении черным.

Дальше в обеденном зале вповалку валялось еще несколько тел: меж перевернутых и порубленных столов замерли два охранника и четверка плохо одетых мужиков с дубинками и топорами.

Залетные разбойники? Скорее всего. Местные смерды тоже, конечно, пошаливают, но напасть на постоянный двор у них кишка тонка.

Свори прошел к ведущей на второй этаж лестнице и за волосы приподнял голову лежавшего на ступеньках парня с перерезанным горлом.

– Вышибала, – узнал мертвеца рыцарь, отпустил волосы и вытер ладонь о штанину. – Девочка где?

– Она там, – указал рукой на одну из комнат зашедший с улицы Карл Арнсон. – Я прошу вас, будьте помягче с бедным дитятей...

Свори молча распахнул указанную дверь, и оттуда тотчас выскочила светловолосая девчонка лет десяти. Невысокая, с двумя длинными косицами, в доходившем до колен ситцевом сарафане. Бледная как мел. Обхватив руками церковника, дочь трактирщика уткнулась в его балахон и затряслась в беззвучном приступе плача.

Свори понял, что из девчонки сейчас и слова не вытянешь, и спросил у подпиравшего стену охранника:

– Как все произошло?

Вместо громы ответил настоятель арлийского монастыря.

– Мы зашли с улицы, и на нас сразу же накинулись, – сообщил он и усадил захлебывавшуюся слезами девчонку на стул.

Та, спрятав заплаканное лицо в ладонях, тихонько заскулила.

Отец Густав сунулся было на постоялый двор, но тут же зажал рукой рот и выскочил наружу. Его телохранитель оказался слеплен из другого теста и на свежий воздух выходить не стал. Как и Эдвин. Мой старый слуга всякого повидал на своем веку.

Решив не терять время попусту, я отправился напрямик на кухню. Вот там-то меня и проняло по-настоящему. И хоть в портовых кабаках Альме частенько доводилось наблюдать весьма неприглядные последствия пьяных поножовщин, здесь все было много-много жутче: именно на кухне налетчики расправились с семьей и прислугой хозяина постоялого двора. И сделали они это с какой-то нечеловеческой жестокостью, не пощадив ни женщин, ни детей.

Ухватив первый попавшийся под руку жбан с пивом, я сделал несколько глотков и, лишь когда крепкий хмельной напиток ударил в голову, перевел дух. Зачем же всех убивать было?

Женщин – жену и старшую дочь содержателя постоялого двора – разбойники задушили, двух сыновей зарезали кухонными ножами, а самому хозяину размозжили голову обухом валявшегося тут же колуна. Непонятно зачем притащенному сюда же человеку из свиты Арнсона, опознанному мной по серому плащу, как и вышибале, перерезали горло, а одетому в какие-то обноски старику сожгли лицо, засунув головой в растопленную печь.

Стараясь успокоить дыхание, я отвернулся к окну и вновь присосался к жбану с пивом. Тень! Теперь ночью кошмары сниться будут. И аппетит надолго пропадет – залитая кровью кухня постоялого двора больше всего напоминала пыточную какого-то весьма неряшливого палача.

И все же что-то меня здесь удерживало, мешало уйти в обеденный зал или просто закрыть глаза. Заставляло раз за разом разглядывать распростертые на полу тела. Что-то во всем этом настораживало, но что именно – понять никак не получалось.

Да и тень с ним!

Я направился к двери, и под ногами влажно зачавкала кровь, протянулись по доскам алые отпечатки подошв. И что интересно – других следов на кухне не было. Такое впечатление, что всех этих людей убили здесь и никуда после смерти не перетаскивали: лужи крови не смазаны и натекали рядом с телами. А это уже кое о чем говорит...

Опустившись на корточки рядом со слугой Арнсона, я внимательно осмотрел его перерезанное горло, не углядел ничего подозрительного и перешел к старику с сожженным лицом. А вот с ним все оказалось совсем непросто: обноски точно с чужого плеча, при этом ногти аккуратно подстрижены, а на ладонях ни одной мозоли. Да еще и на среднем пальце левой руки белела отметина от недавно снятого кольца.

И что бы это все значило?

Выпрямившись, я покачулся от ударившего в голову хмеля и выглянул в обеденный зал. Отказавшийся от безуспешных попыток разговорить дочку хозяина Свори отошел к открытому окну и что-то втолковывал остававшимся во дворе оруженосцам.

На глаза попался предназначенный для чистки и разделки рыбы узкий нож, я взял его со стола и ногтем проверил заточку. Потом шагнул в обеденный зал. Учувший свежий запах пива Эдвин с укором покачал головой, но я прошел мимо старого слуги, даже не взглянув в его сторону.

– Кейн? – отвернулся от окна насторожившийся Свори.

Настоятель арлийского монастыря тоже не спускал с меня глаз.

И чего, тень заberi, он вылупился? Смотреть больше не на что?

– Пойду проветрюсь, – сообщил я рыцарю и, нарочито пьяно покачиваясь, направился на выход. На полпути остановился и повернулся к охраннику Арнсона, словно собираясь что-то спросить. Спрашивать, впрочем, ничего не стал и молча воткнул в шею детины разделочный нож. Выпучивший глаза парень

схватился за торчащую из горла рукоять и сполз по стене на пол.

– Кевин, бей! – крикнул я и едва успел сигануть за перевернутый стол, когда фальшивый настоятель арлийского монастыря швырнул в меня молнию. Та ударила в стену и брызнула каскадом жгучих искр. Доски облицовки тут же посерели и осыпались невесомыми струйками пепла.

Окрик позволил Кевину Свори вовремя среагировать на угрозу и отвести замах второго охранника кованым наручем. В следующий миг он загнал выхваченный из ножен кинжал в глазницу не успевшему отпрыгнуть бойцу и выдернул из ножен меч.

А вот Жерар на миг просто опешил от изумления, за что и поплатился. Небольшой огненный шарик, сорвавшийся со сложенных ладоней чернокнижника, угодил ему в грудь и взорвался, разметав по залу клочья окровавленной плоти, обрывки одежды и раскаленные звенья кольчуги.

Я выхватил метательный нож, но тайнознатец одним неуловимым движением оказался рядом с дочкой хозяина постоялого двора, приставил к шее девочки изогнутый клинок, прижался спиной к стене. Лицо Карла Арсона стекло с него, словно слепленная из необожженной глины и размокшая маска. Превращение заняло доли мгновения, и уже через миг перед нами предстал совершенно другой человек. Куда более худой, горбоносый, с тонкими бледными губами и мелькавшими в глазах огонечками сумасшествия.

– Бросайте оружие или она умрет! – с решимостью загнанной в угол крысы заорал оскалившийся чернокнижник.

Кевин Свори многозначительно взглянул на Эдвина и с выполнением приказа спешить не стал. Останься у заклинателя колдовские силы, он бы всех по стенам размазал. За нож чернокнижник схватился исключительно от безысходности. И это давало нам неплохой шанс уцелеть. Но что тайнознатцу в таком состоянии в голову взбредет – одним теням известно.

– Быстро! Оружие на пол! – поторопил нас колдун, на лице которого выступили капли кровавого пота. – И тех, что во дворе, зовите!

– Зачем? – пьяно усмехнулся я.

– Зовите! Или я ее... – Для большей убедительности тайнознавец слегка уколол клинком девичью шею, из-под острия потекла тоненькая струйка крови. Глаза девочки закатились, но колдун удержал ее на ногах.

– А нам-то что? – удивился я, оперся о стол и развернулся к заклинателю боком, скрывая зажатый во второй руке метательный нож. – Режь, мы потом тебя порежем. На куски. Медленно.

– Загубите невинную душу? – тяжело выдохнул не поверивший моей угрозе чернокнижник. Все верно – нелегко всерьез выслушивать такое от подвыпившего сопляка полутора десятков лет от роду.

Прав ли он? Да только тень знает...

– Это ты ее загубишь. А мы тебя. Вот сдашься, чин по чину княжескому правосудию предадим. Поверь, сожжение на костре вовсе не самое худшее, что может приключиться с вашим братом. – Я специально говорил медленно и размеренно, и от этого заклинатель нервничал все больше.

– Заткните его! Быстро мечи на пол! – вновь сорвался на крик он и стрельнул глазами на замершего с обнаженным клинком в руке Свори.

Перенеся весь свой вес на стол, я подался вперед и бросил в чернокнижника метательный нож. Заклинатель даже пикнуть не успел, как клинок вонзился ему в горло, перебил хрящи и засел в шее по самую рукоять. Дочь хозяина взвизгнула и рванула от него прочь. Я шагнул ей навстречу.

Какая-то часть сознания отметила, что рывок девчушки слишком уж стремителен, а в следующий миг из пальцев выскочили длинные когти. Отдергивая голову, я начал отмахиваться ножом и заваливаться назад, но уйти из-под удара успел лишь благодаря угодившему в грудь одержимой арбалетному болту.

Отбросив разряженный самострел, Эдвин выхватил из-за голенища сапога складной нож с лезвием почти вполлоктя длиной и кинулся мне на помощь. Когда-то он был неплохим мастером ножа, но давно растерял былую форму и едва ли мог что-то противопоставить выходцу из Ведьминой плеша. Я решил

отвлечь демона на себя – и не смог сдвинуться с места. Ноги не слушались, в голове звенело, залитая кровью левая щека горела огнем. Один из когтей одержимой все-таки успел рассечь кожу, и от раны по телу расходилось лишающее сил онемение.

К счастью, тварь замешкалась вырвать из грудины болт, Кевин Свори успел загородить собой старого слугу и сбить рывок твари ударом меча. Из раны не пролилось ни капли крови, и рыцарю пришлось бы туго, не заскочи в этот момент с улицы его оруженосцы. Щелкнули струны арбалетов, и пара тяжелых болтов сбила одержимую с ног.

И все же, несмотря на смертельные для обычного человека ранения, девчонка никак не умирала. Она легко поднялась с пола и вновь шагнула к седоусому рыцарю. Эдвин в длинном выпаде со спины попытался перерезать ей сухожилия, но сам едва увернулся от стремительного броска твари, которая все больше теряла человеческий облик, превращаясь в настоящее исчадие тьмы.

И тут вошедший с улицы отец Густав выкрикнул слова изгоняющей демонов молитвы! Вера священника действительно оказалась крепка: тварь в судорогах забилась на полу, и, по мере того как слабела власть создания тьмы над телом девушки, из ран начала все сильнее струиться темная, почти черная кровь. А потом потустороннее присутствие ослабло, и девчонка умерла. На этот раз окончательно и бесповоротно.

– Аминь, – тяжело вздохнув, завершил молитву священник и обессиленно опустился на стул.

– Как догадался, Кейн? – кинув мне чистую тряпицу, спросил Свори и двумя ударами меча снес чернокнижнику голову с плеч.

– У настоящего церковника на пальце отметина от кольца осталась. – Я приложил к располованной щеке тряпку и поморщился от боли. – Твою тень!

– В следующий раз умнее будешь, – усмехнулся, глядя на мои мучения, седоусый рыцарь, вспотевшее лицо которого сейчас как никогда напоминало вырезанную из дубовой доски маску. – Так сложно нас предупредить было?

– Чернокнижник с меня глаз не спускал. Хитрый, сволочь. Только дохлый какой-то...

– Если бы демон из него силы не тянул, этот задохлик всех нас к теням отправил бы, – покачал головой Свори, вытирая клинок.

– Что за демон, кстати?

– Вельнский наездник, – просветил нас священник и опустился на колени рядом с разорванным напополам телом Жерара.

– Ты не знал, что девчонка одержима? – спросил Свори.

– Откуда? – вздохнул я. – Если б только знал...

Я вновь поднялся на ноги и побрел к выходу, пожалуй впервые в жизни не испытывая удовольствия от вида отправленного во тьму демона. Наоборот, замершее на полу девичье тело вызывало лишь желание обо всем забыть. Забыть и поскорее отсюда убраться. Куда глаза глядят. Пусть даже ночью, только бы выкинуть из головы вновь ставшие голубыми девичьи глаза.

И ведь можно было ее спасти, можно! Всего-то и требовалось – не махать ножом, а сперва позвать отца Густава. Да только задним умом все мы крепки. Если бы да кабы...

Но где-то в глубине души хуже собственного бессилия что-либо изменить меня грызло совсем другое. На одной чаше внутренних весов там качалось стремление уничтожить демона. На другой – желание спасти чем-то зацепившую за живое девчонку. И если быть честным хоть с самим собой, этот благородный порыв никак не мог перевесить заветное – мрачное, отдающее горьковатым привкусом слез и до одури пахнущее дымом и кровью – желание собственными руками порвать на куски всякую вышедшую из Ведьминой плечи тварь. Желание, которое преследовало меня большую часть жизни и которое умрет только вместе со мной...

– Эдвин! Пива тащи! – И, захлопнув за собой дверь, я вышел во двор.

История вторая

Повязанный кровью

Часть первая

Пущенная стрела

Жили тут двое – горячая кровь,
Неосторожно играли в любовь,
Что-то следов их никак не найти,
Видно, с живыми не по пути.

Гр. «Пикник»

Я – пущенная стрела,
И нет зла в моем сердце, но
Кто-то должен будет упасть все равно.

Гр. «Пикник»

Трактир

По-осеннему холодные серые струи дождя срывались с низких туч и пузырились на раскисшей дороге. Редкие порывы ветра швыряли брызги в лицо, и от их колючих уколов нестерпимо ломало уши. Надежды на скорое окончание ливня уже не осталось – наоборот, затянутое облаками небо темнело прямо на глазах. И хотя окончательно дорогу пока еще не развезло, грязь весьма неохотно выпускала ноги из липкого плена.

Поскользнувшись, я прошипел проклятие, вырвал увязший почти по щиколотку сапог и побрел дальше. Да где этот чертов трактир?! Или это была неудачная шутка? Если так – не поленюсь вернуться и выпотрошить указавшего дорогу мерзавца.

К моему немалому облегчению, возвращаться не пришлось: сначала из-за стены дождя темным пятном выплыла остроконечная крыша, а мгновением позже вспышка молнии высветила закрытые тяжелыми деревянными ставнями окна. «Хромой кузнец». Наконец-то! А то уже начал опасаться, что в темноте прошел мимо.

Чтобы добраться до крыльца постоянного двора, пришлось свернуть на раскисшую от дождя тропинку, и грязь жадно зачавкала, пытаюсь стянуть с ног сапоги. Да, зря решил напрямик срезать, надо было дойти до поворота дороги. Все не так бы устряпался.

Как же мне все это надоело! Дождь, холод, грязь... Все! А ведь станцуй тени судьбы немного иначе, давно бы уже сидел с кружкой пива в тепле и сухости...

Кое-как счистив о деревянную решетку у крыльца комья налипшей на сапоги грязи, я распахнул дверь и вошел внутрь. В трактире, к моему удивлению, оказалось полным-полно народу. Не так чтобы битком, но свободных мест совсем немного. А вечер-то уже довольно поздний. Впрочем, ничего странного: царившая на улице собачья погода желания покинуть теплое и сухое помещение не вызвала. Вот местные и сидят. Да и из проезжих немногие отчаянные головы решатся сегодня отправиться в путь: по такой непогоде далеко не уедешь. И полнолуние опять-таки. Зачем судьбу лишний раз искушать?

Быстро освоившись в полумраке трактира, я выбрал место прямо напротив входа: приглянувшийся мне стол прятался под ведущей на второй этаж лестницей. Пока дошел, от густого запаха стряпни заурчало в животе. Ох, быстрее бы чем-нибудь перекусить, а то сейчас слюной захлебнусь.

Скинув промокший плащ на скамью у стены, я уселся на стул и убрал пару коротких клинков с пояса под плащ. Хоть бумаги нужные на границе и выправил, но ни к чему сейчас лишнее внимание привлекать: отряд церковных стражников в дальнем углу зала я заметил еще с порога.

Вот ведь защитнички! Голову об заклад даю – должны сейчас дорогу патрулировать, путников от лихих людей оберегать. Ан нет – сидят, пиво дуют да служанок тискают. Хотя, с другой стороны, какой тать в такую погоду на промысел выйдет? Да и гарнизон под боком. Не должны здесь лихие люди шалить.

Откинувшись на высокую спинку стула, я незаметно сунул руку под камзол и провел ею по повязке на левом боку. Ну и что там? Слава теням, следов крови не видно. Надеюсь, рана закрылась окончательно. Нет, все-таки грех на судьбу жаловаться, пусть и пришлось пешком под дождем ковылять. Мог вообще на дороге с ножом в брюхе остаться.

Никто не спешил принять от меня заказ, да и сам я не торопил события, неспешно рассматривая набившийся в трактир люд. Денег в обрез и, если не удастся сойтись с трактирщиком на приемлемой для меня плате за ночлег, придется отправляться в путь. А в дорогу лучше пускаться отдохнувшим. И хоть немного просохшим...

Народ в трактире подобрался пестрый, и невольно я начал прикидывать, не может ли кто направиться в Геладжио. В хорошей компании путешествовать – оно веселее будет. А в моем случае так еще и быстрее.

Селяне за одним из двух центральных столов отпадали сразу. Сейчас нарубят тяпку и расползутся по хатам. Расположившимся неподалеку бородатым коротышкам тоже, думаю, со мной не по пути. Гномы вообще в этих местах гости нечастые: если мне не изменяет память, Анклав^[1] – Анклав – заселенная гномами территория Синих гор к юго-западу от Империи. С юга и юго-востока граничит с Восточным Норлингом, с запада омывается Олькским морем. – Здесь и далее примеч. авт.] в двух днях пути к югу. Но, поскольку никто из местных на них особо не тарасился, наверняка они тут по концессии разрабатывают одну из затопленных во время медного бунта серебряных шахт. Сюда могли заехать за припасами, и в Геладжио им явно делать нечего.

Да и не возьмут они человека в компанию. Не в их это обычаях. Пусть у Империи с гномами отношения и неплохие складываются, карлики предпочитают держаться друг друга и людям не доверяют. А чтобы никто не стал навязывать им свое общество, у всех бородачей имелось по увесистому молоту на длинной рукояти. Впрочем, связываться с гномами желающих было немного: и сами коротышки отличались просто невероятной живучестью, и посольство их на

вознаграждение для карателей[2 - Каратели – отряды численностью обычно в две-три дюжины человек, занимающиеся розыском преступников, ликвидацией банд, реже участием в подавлении бунтов. Состоят на службе у маршалов (на землях, находящихся под прямой юрисдикцией Церкви, подконтрольных Инквизиции).] никогда не скупилось.

Нет, гномы тоже отпадают.

Стол в небольшой нише занял молодой дворянчик с челядью. Несмотря на непогоду, дорогая одежда паренька была сухой и чистой. Остановился до начала дождя или уже здесь переоделся? А что, мог и переодеться. С такого станется. Спеси-то вон, будто цельный эрл, а то и маркграф, но последний медяк[3 - Медяк – медная монета номиналом в щит. 10 щитов = 2 шлема = 1 корона. 1 золотой щит = 10 серебряных щитов = 500 медных щитов.] на кон ставлю: парнишка – простой эсквайр. Вот и с мечами у него только двое из слуг. Может, попробовать к ним в попутчики напроситься? Нет, не выгорит.

Разместившимся за соседним столом уроженцам Заозерья вполне могло оказаться со мной по пути, но я бы скорее предпочел путешествовать один, нежели в их обществе. Слишком уж вид у них подозрительный: загорелые лица, бритые головы, длинные усы, одежда хоть и добротная, но весьма потертая, движения уверенные и неторопливые, как у привыкших к оружию ветеранов. Все вооружены: длинный меч, две сабли, боевой топор, прислоненное к стене короткое копьё с широким листообразным наконечником. Даже подумать страшно, сколько заозерцам пришлось отвалить в церковную казну золота за патенты. Или они на службе у кого из лендлордов состоят? Нет, вряд ли, больно уж рожи бандитские. Или вольные наемники, или еще какие искатели приключений на свою голову. Ни то, ни другое меня не устраивало.

Странно, и чего их из своих степей аж к Западному побережью занесло? Сразу видно, они здесь гости нечастые – местные на них чуть все зенки не проглядели. Никак на шаровары и короткие жилетки с украшенными сложной вышивкой воротничками насмотреться не могут. Тоже развлечение.

Нет, к заозерцам я даже подходить не стану. Вон неведомо как затесавшийся к ним в компанию горец так весь и извертелся на месте, в сторону гномов поглядывая. Все знают: Медвежий склон с карликами кровники, им даже просто находиться в одной комнате друг с другом все равно, что шило в известном месте терпеть. Не ровен час, какая заварушка начнется, а у меня и своих

неприятностей хватает.

У противоположной стены за тройкой сдвинутых к камину столов расслаблялась ватага крепких парней. Судя по нашитым на плащи и куртки эмблемам – копье и топор на золотом щите, – ребята были из Гильдии охранников. Вот это уже интересней. Раз они пиво трескают и им за это головы не поотрывали, значит, заказ выполнили и должны искать новый. А лучшего места для этого, чем порт, поблизости не найти. Глядишь, чего и получится.

В этот момент от наблюдений меня отвлек хриплый простуженный голос:

– Чего изволите?

Смотри-ка, сам трактирщик выполз из-за стойки, не стал дожидаться, пока служанки освободятся.

– Похлебать чего-нибудь. И вина горячего.

– Вина не держим.

– Тогда пива кружку. – Не держат они. А дворянчик что сидит лакает? Или он с собой привез?

Чернявый трактирщик, лицо которого, несмотря на обвисшие щеки, напоминало острую крысиную морду, кивнул и, не проронив ни слова, направился к стойке. Видок у меня, наверное. Уж если хозяин захудалого трактира парой слов не перекинулся...

Вернулся толстяк, надо сказать, весьма быстро. Выставил с подноса на стол щербатую миску с густым луковым супом, кружку темного пива и ломоть намазанного куриным паштетом хлеба и, потирая волосатое запястье левой руки, выжидательно посмотрел на меня.

Ишь ты, как торопится! Не иначе, побыстрее избавиться хочет. И рядом ведь встал, не уходит. Сопит. Пялится. Денег ждет. Вот сволочь!

Ничего не оставалось, как расплатиться. Серебряная монета прокатилась через весь стол и исчезла меж пальцев трактирщика. Все, последний шлем[4 - Шлем - здесь: номинал монеты.] разменял.

Теперь настал мой черед сверлить хозяина взглядом. Ну, давай, попробуй только сдачу зажать.

Покопавшись в кармане фартука, трактирщик небрежным движением бросил на стол несколько серебряных монеток. Нет, он точно издевается! Эх, не было бы стражников, набил бы морду и на вышибалу не посмотрел.

Ладно, что он там швырнул? На столешнице лежали три щита и еще три монетки помельче - в полщита каждая. Получается, трапеза обошлась мне в серебряк[5 - Серебряк - серебряная монета номиналом в полщита.]. Дороговато. Да ну и тень с ним. Не устраивать же скандал из-за пары медяков.

Еда несколько улучшила испорченное настроение. Суп оказался сытным и вкусным. А вот паштет подкачал. Гадость редкостная. Специй переложили? Какой-то вкус подозрительный. Впрочем, горькое и густое пиво быстро заглушило неприятный привкус.

Отставив пустую кружку, я облокотился локтями на стол и уставился на лежащие передо мной деньги. Шесть монет - это много или мало? Серебро, конечно, не медь, но если заплатить за ночлег и завтрак, то на дорогу останется не так уж и много.

Точнее - почти ничего и не останется. И что делать? Не ночевать же в такую непогоду под открытым небом. Дождь как из ведра льет, и холод собачий.

От невеселых раздумий меня оторвал стук входной двери. Надо же, еще кто-то кроме меня в такую погоду по улице шляется!

Вошедшим оказался один из селян, который перебрал и, видимо, выходил на улицу освежиться. Помогло ему это мало: на ногах он держался нетвердо, да и мотало его из стороны в сторону, как матроса во время шторма. Один из зигзагов привел пьяницу к столу гномов, и сидевший с краю коротышка брезгливо отпихнул его в сторону. Крестьяне заворчали, но в драку не полезли.

Врезавшийся в стену пьянчужка повис на перилах ведущей на второй этаж лестницы, перевел дыхание и вдруг, покачнувшись, чуть не свалился ко мне за стол. Вцепившись обеими руками в край столешницы, он замер, восстанавливая равновесие. Как ни странно, пивом от мужика не пахло. Может, дыма дурман-травы надышался? Подняв взгляд от монет, я увидел его глаза и замер: точки зрачков начали медленно расползаться в две узкие вертикальные щели.

- Кровь... - еле слышно прошептал мужик.

Вена на виске у него бешено пульсировала, а кожа туго обтянула лицо.

Оборотень, тень его! Да как его сюда занесло? И рану мою учуял, теперь просто так не отвяжется. Что делать? В голове лихорадочно замелькали мысли. До лежащих под плащом мечей дотянуться не успею. До кинжала на поясе или пары метательных ножей тоже. Да и не помогут они - даже не посеребрены. Заорать? Пока народ поймет, в чем дело, оборотень мне глотку вырвет. Стараясь не делать резких движений, я опустил ладони на столешницу. Может, обойдется?

Куда там! Морда - теперь уже морда! - оборотня вытянулась, из-под растянутых в оскале губ показались кончики клыков, и послышался треск расползающейся по швам одежды. Ногти начали удлиняться - теперь они больше походили на когти - и с едва слышным скрипом вонзались в дерево столешницы.

Я прижал ладони к столу и напряженно следил за происходившими изменениями. Реакция оборотня намного превосходит скорость движения обычного человека, но, когда начнет корежить хребет, у меня появится шанс. Надо только правильно выбрать момент.

Спину мужика выгнуло, и я, резко выбросив вперед правую руку, воткнул большой палец ему в глаз. Он рванулся через стол, но мне удалось левым предплечьем заблокировать нацеленный в горло удар и вовремя отшатнуться назад. Острые когти только захватили кожаный обшлаг камзола, а уже в следующее мгновение перевертыш рухнул на пол и закрутился, прижимая лапы к окровавленной морде.

Сообразив наконец, что происходит нечто из ряда вон, посетители трактира загалдели и повскакивали с мест. Не обращая внимания на поднывающую

суматоху, я первым делом сгреб со стола пять монет и смел их в кошель.

Оборотень дернулся еще пару раз, процарапал когтями доски пола и затих. Все, похоже, издох. Вокруг тела начала растекаться лужа черной крови, завоняло мочой.

К моему столу сразу же набежала порядочная толпа, но вплотную подойти никто не решался: зеваки оживленно болтали и пихались, пытаюсь с некоторого отдаления получше рассмотреть скорченное тело оборотня. Боязливо протиснувшийся сквозь толпу один из церковных стражников замялся в двух шагах от оборотня, но, поймав грозный взгляд десятника, все же ткнул его под ребра древком короткого копья.

– Эта... Дак вроде того, – сипло выдохнул он и вытер стекавшую из-под скособоченного шлема струйку пота, – помер он...

Толпа сразу же качнулась вперед.

– Разойдись! А ну разойдись, кому сказано! – рыкнул десятник. – Сто плетей вам под хвост!

Грозный тон и тяжелая дубинка сделали свое дело – люди начали возвращаться за свои столы. Остались только непонятно откуда появившийся дьяк, усатый краснолицый десятник и заламывавший руки трактирщик. Стражники тоже далеко отходить не стали и топтались поблизости.

– Ты когда последний раз трактир святой водой окроплял, сучий потрох? – Вытерев с усов пивную пену, десятник ткнул дубинкой в фартук трактирщика и, не обращая внимания на его причитания, повернулся ко мне. – А как это ты его, паря, а?

Я неопределенно пожал плечами.

– Кто такой? – сразу посуровел стражник, с одного взгляда определив во мне чужака.

– Путник.

– Подорожная где? – дыхнул перегаром и запахом чесночной колбасы десятник. – Мечи твои? Собирайся в управу.

И когда только мечи заметить успел? Вздохнув, я очень медленно вытащил нож – сзади слышались быстрые шаги и шорох высвобождаемого из ножен клинка, – распорол камзол и протянул стражнику влажные листы: подорожную и патент на ношение мечей. Не зря сбор заплатил, совсем не зря.

– Так, так... С клинком не длиннее локтя[б - Локоть – здесь около сорока сантиметров. Равен четырем ладоням или двадцати пальцам.], значит, – пожевал губы тот, взял один из мечей и, вытащив веревку с завязанными узелками, приложил ее к мечу. – Не длиннее... Что ж, бумаги в порядке. Не цапнул он тебя, нет? Ну, ты, паря, в рубашке родился. Сходи в церковь, свечку поставь.

– Надо в Инквизицию сообщить. – Слова дьяка напугали трактирщика до полусмерти. – Мало ли где этот раб божий заразился. И соседние деревни проверить лишним не будет.

– Дак он и натворить-то ничего не успел, – залепетал вмиг посеревший хозяин.

– А это уж мы решать будем, натворил он чего или нет. – Десятник многозначительно посмотрел на дьяка.

– Вы, уважаемые, конечно, решайте, а мне как быть? – Я выставил на всеобщее обозрение порванный рукав камзола.

– Ты здесь ночевать собрался? Вот хозяин тебе комнату и выделит. Без-воз-мездно. – С трудом выговорив сложное слово, десятник хитро прищурился. Все понятно, мне комнату, а мзду, чтобы в Инквизицию не сообщали, они с дьяком на двоих поделят. – Ведь выделишь, Роберто?

– Выделю, конечно, выделю! – часто-часто закивал головой Роберто.

Удовлетворенный его ответом, десятник махнул рукой двум стражникам, которые еще не успели вернуться за стол, и заорал:

– Людвиг, Антонио! Хватайте эту падаль и тащите во двор. Людям еще ужинать здесь.

Я с досадой проводил взглядом тело оборотня, в глазнице которого осталась моя серебряная монета. Но не выковыривать же ее сейчас оттуда у всех на виду? Десятник сразу на нее лапу наложит. Для передачи отцам-инквизиторам, само собой. А с другой стороны, чего мне переживать? Вряд ли трактирщик сдал бы комнату всего лишь за полщита.

Да и вообще, что помешает мне вытащить монету завтра утром?

Храм Серебряной Луны

Маленький костерок горел в круге, сложенном из крупных речных голышей. Языки огня лениво пожирали хворост и лишь иногда, когда попадалась особенно смолистая ветка, вверх взвивались длинные лепестки зеленоватого или ярко-желтого пламени. Да еще изредка раздавался глухой щелчок, и пылающий уголек исчезал в ночном полумраке.

Костер не давал много света и почти не грел, но этого и не требовалось: ночь была теплой, а полная луна в безоблачном небе заливала лесную опушку ярким серебристым сиянием. Служил он совсем для другого: игра огня помогала не задремать. И хоть особой необходимости в ночном дежурстве не было – охранное заклинание охватывало всю поляну, – но немного осторожности никогда не помешает.

Нет, жизнь все-таки странная штука. Еще ведь вчера утром твердо уверен был: этот вечер встречу в Геладжио. Но кто мог предположить, что к обеду я получу удар ножом и вдобавок лишусь лошади? А теперь вместо поиска направляющихся в порт попутчиков в компании профессиональных бродяг и любителей легкой наживы тащусь то ли к руинам оставшегося от эльфов или еще каких нелюдей храма, то ли к заброшенному убежищу еретиков – здесь, на границе Приозерья и Западного побережья, в восстание Серебряных плащей[7 - Восстание Серебряных плащей – вылившийся в вооруженное столкновение отказ вольного города Арген признать власть Церкви после смерти последнего императора – Карла Бездетного. Восставшие были поддержаны частью крупных землевладельцев и Гильдией тайнознатцев. Длившееся четыре года

противостояние закончилось победой церковных войск, в результате чего лендлорды лишились части привилегий, Гильдия тайнознатцев была распущена, а Арген сровняли с землей.] кто только схроны не устраивал.

И чем дальше, тем больше это путешествие казалось мне откровенной авантюрой.

Непонятно, о чем вообще я думал, когда принимал предложение Анджея Дубравы – предводителя этой ватаги. Да нет, конечно, понятно о чем. Чего там особо думать-то? От постоянного двора «Хромой кузнец» до Геладжио два дня пути пешком ходом, а денег осталось – кот наплакал. Да и подходящих попутчиков найти, чует мое сердце, не получилось бы. К тому же все чаще начинала закрадываться пугающая мысль, что на поиски нужного человека в городе понадобится не один день. И – что самое важное – не одна серебряная корона.

Поэтому вчера утром я не особо и колебался, принимая приглашение присоединиться к дружине[8 - Дружины – базирующиеся в Заозерье военизированные подразделения, основной задачей которых является отражение набегов степных орков и ответные рейды в степь. В свободное от службы время многие дружинники подрабатывают охраной торговых обозов, поимкой объявленных в розыск преступников, наймом на службу к лендлордам и т. д.] и пошурудить в весьма перспективных с точки зрения быстрого обогащения развалинах. Тогда Анджей Дубрава произвел на меня самое благоприятное впечатление. Это теперь я немного к нему присмотрелся и понял, что широкоплечий, всегда подтянутый и обаятельный эсквайр может при необходимости запудрить мозги кому угодно. Вот только большинством дел в дружине заправлял его помощник – пожилой здоровяк Марк Брага. А из этого битого волка выжать пару лишних монет будет ох как непросто.

Один из темных силуэтов зашевелился, и из кучи тряпья вылез Янек Змейка – долговязый паренек лет восемнадцати. Нетвердой походкой он направился ко мне и плюхнулся на землю около костра. Я подкинул в огонь еще несколько хворостин. Удачно он проснулся: как раз его очередь дежурить подошла.

– Полнолуние, – ежась, пробормотал Змейка. – Как бы на оборотней не нарваться.

– Не поминай лихо. – Я едва удержался, чтобы не сплунуть при упоминании этих тварей.

– Да ладно, Кейн. Тебе-то что? Ты ж их голыми руками на куски рвешь. – Янек зевнул, вытер хлюпающий нос рукавом рубахи и продолжил: – Тебя Дубрава поэтому и взял.

Ага, голыми руками, как же. К сожалению, не все такие наивные: когда утром я уже собрался достать серебряную монету из глазницы оборотня, оказалось, что меня кто-то опередил.

– Слушай, тепло ж, чего костер зря палишь? – Длинный заозерец растянулся во весь свой немаленький рост на траве рядом с огнем.

– А чем еще заняться? Так хоть не усну. – Я подбросил в костер еще хвороста. – Не слышал разве, что человек может бесконечно смотреть на две вещи – горящий огонь и бегущую воду?

– Да ну, ерунда. Я только на пену в пивной кружке бесконечно смотреть могу, – хохотнул парнишка.

– Это точно.

Ян снова сел, достал какую-то темную деревяшку и начал аккуратно обстругивать ее ножом на широкий кленовый лист. Мне почудился тяжелый приторный запах чертова корня, рот моментально наполнился слюной, и невольно я сплюнул себе под ноги.

Заметив мою реакцию, Змейка протянул деревяшку:

– Будешь?

– Не... – отрицательно мотнул я головой.

– А чего так? У нас его даже солдатам выдают. – Он спрятал корень и начал накаливать над костром широкое лезвие ножа. – А вообще дело твое, мне больше останется.

– Смотри, не переборщи, – хмыкнул я. Солдатам его дают... Солдатам чего только не дают. Если все употреблять, никакого здоровья не хватит. Да и нельзя мне... – Огребешь от Браги.

– Не, я норму знаю, – заверил меня парень.

Знает он. Будто кто-то не знает. Нешто я чертов корень первый раз вижу? Пусть в первую очередь он действует на реакцию и болевой порог человека, но и голову дурманит будь здоров.

А в одурманенном состоянии переборщить с этой отравой ничего не стоит. До сих пор ведь ходят байки про роту Красных Енотов, командир которой не ограничивался чертовым корнем и дурман-травой, а вместе со своими солдатами перепробовал почти все, начиная с мухоморов и заканчивая ведьминой паутиной. И однажды, окруженный орками, он сварил такую адскую смесь, что его рота почти без потерь прорвала окружение и ушла в степь. Вот только никто их больше после этого не видел.

Тем временем лезвие накалилось докрасна, и Янек Змейка начал, потихоньку посыпая стружку на лезвие, вдыхать ароматный дым. Через пару минут корень закончился, и заозерец воткнул нож в землю:

– Ништяк! Ух, сразу голову прочистило. – Он потянулся, хрустнул суставами, посмотрел на меня и замер. – А чего это у тебя зрачки вертикальные?

– А ночью так удобней, видно лучше, – пожал я плечами.

– Удобней?! Ну, Кейн, ты даешь! – Янек повалился на землю и зашелся в беззвучном приступе хохота. – Знаешь, а у тебя еще и с клыками что-то не то, – сообщил он, немного отдышавшись. – Ты ж вампир! Да нет, похлебку чесночную вместе со всеми хлебал, сам видел. И тень у тебя есть. Даже две. И у меня две... И луны две... А костер один. Да, давно меня так не цепляло!

– Слушай, Янек. Я тут вот чего подумал: дружинники в Заозерье обычно конные, а вы чего?

– Да, была одна история... – смутился парень. – Мы сюда и подались... Ладно, забудь, ни к чему тебе оно...

– Как знаешь... Ну, ты карауль, а мне спать давно пора. – Я бросил в огонь остававшийся хворост, подхватил плащ и пошел искать место для ночевки. Судя по количеству употребленного зелья, бодрить Янека перестанет только к рассвету, и, значит, можно не опасаться, что он уснет на посту. Только бы больше не дымил.

Вместе с рассветом пришел и туман. Густая пелена медленно поднялась от реки и постепенно добралась до лесной опушки. Сразу похолодало, и дружина начала собираться в дорогу. Завтракать пришлось на ходу, но никто по этому поводу не ворчал: до заветных развалин оставалось полдня пути, и предвкушение скорой добычи гнало вперед лучше всяких понуканий. К тому же все прекрасно понимали, что лучше пройти сколько получится поутру, чем заживо запекаться в полуденную жару – яркая синева утреннего неба ясно показывала, что день будет знойным.

Первое время мы шли по широкой лесной тропе, которая петляла меж толстых стволов высоченных сосен. Протоптали ее то ли ходившие на водопой животные, то ли местные промысловики: места здесь глухие, самое раздолье для браконьеров. Как бы то ни было, высывающиеся из ковра утопанной хвои толстенные корни лезли под ноги, а сухие ветви так и пытались обломанными концами пропороть лицо.

Отряд растянулся, и невольно я оказался в самом хвосте колонны. Рядом шумно сопел толстоватый коротышка, светло-русые волосы которого свалялись в грязно-серые лохмы. Представился он Габриелем, но иначе как Шутником в дружине его никто не называл. Росту в нем было четыре локтя с хвостиком, а из-под бригадины – короткой кожаной куртки, усеянной заклепками, которые удерживали проложенные изнутри стальные пластины – выпирал немаленький пивной животик. Навскидку я дал бы ему лет сорок, но, несмотря на кажущуюся неуклюжесть, с кистенем он обращался весьма уверенно. Да и само оружие – шипованный шар в полтора кулака на длинной тонкой цепи – выглядело весьма устрашающе.

Слева плелся Язва. И, учитывая его испещренное оспинами лицо, было совершенно непонятно, прозвище это или родовое имя. Только вот, думаю, называли его так больше из-за склочного характера, а не из-за внешности или столь говорящей фамилии. Одет заозерец был в застиранные шаровары, просторную рубаху и короткую жилетку, из-под которой выглядывали звенья легкой кольчужной безрукавки. На ногах красовались новенькие сапоги, пошитые из великолепно обработанной кожи. Вооружился Язва коротким копьем с широким листовидным лезвием и парой изогнутых кинжалов. Да еще на кожаных ремнях, пересекавших крест-накрест грудь, болтались метательные ножи.

Замыкал колонну Арчи – темноволосый, коротко стриженный здоровяк почти в пять локтей ростом с честным и открытым лицом. Свисавший за его спиной двуручный меч едва ли не с Шутника длиной на каждом шаге слегка полязгивал о доходившую парню до середины бедра пластинчатую кольчугу. По всему клинку меча вилял сложный посеребренный узор, сверкавший в лучах утреннего солнца даже ярче начищенной стали. Очень предусмотрительно – оборотни вовсе не будут рады, получив удар таким клинком. Да и на большую часть нечисти серебро действует вполне убийственно.

Помимо меча, вооружение Арчи составлял насаженный на короткое дубовое топорище молот, который тот постоянно перебрасывал из руки в руку. Перекидывал его он очень даже легко, хотя, по моим прикидкам, весил молот никак не меньше половины пуда.

В отличие от Шутника, Арчи больше помалкивал, и при взгляде на безмятежное выражение его лица было совершенно непонятно, то ли он в самом деле немного туповатый, то ли просто умело прикидывается.

Я хотел, пока есть время, выпросить, как они оказались в дружине – мои спутники на уроженцев Заозерья ничуть не походили, – но, подумав, решил не лезть не в свое дело. Захотят – сами расскажут. Не захотят – мне, в принципе, не очень-то и интересно.

Еще с нами шел тайнознатец[9 - Тайнознатец – первоначально получивший классическое образование и вступивший в Гильдию тайнознатцев колдун. С роспуском Гильдии, которая была создана наиболее могущественными школами тайных искусств – Домами Волн, Искр, Тлена, Судьбы и Крови, – название распространилось на всех заклинателей.] – худой отшельник в

длинном сером плаще с накинутым на голову капюшоном, который, как и я, присоединился к отряду только вчера утром в трактире «Хромой кузнец».

Как мне удалось выяснить, разговорив Шутника, у дружины уже был колдун – высушенный годами и жарким солнцем Заозерья старикан Захар Осока, а этого взяли только из-за Браги, который прямо заявил, что в таком деле два тайнознатца лучше, чем один. Анджей долго мялся, несколько раз проверил выданный инквизицией жетон, но в конце концов все же согласился принять отшельника в отряд. Согласился, как считал Шутник, только потому, что обитал тайнознатец неподалеку от северной оконечности болот и в случае необходимости мог послужить проводником.

Как ни старался я, разглядеть скрытое тенью капюшона лицо так и не смог. Единственное, что получилось заметить, – затейливую татуировку, украшавшую левую щеку тайнознатца. И татуировка эта меня насторожила – как бы наколотый в несколько цветов дракон какое клеймо не скрывал. А что? Запросто. С тайнознатцами ухо надо держать востро.

И все же думаю, этот тип местный – ни дьяк, ни десятник церковных стражников даже и не подумали проверить бумаги у столь подозрительной личности. Да тень с ним, с тайнознатцем. Главное, что в отряде к произошедшему пополнению отнеслись без особого восторга: прибавление претендентов на долю в добыче никого особенно не радовало. Меня-то хоть в деле видели, а этот тип как бельмо на глазу.

А тут еще Язва...

– Поналетели, понимаешь, как мухи на коровью лепешку. На все готовенькое... – Давненько уже бурчавший что-то себе под нос Язва последнюю фразу произнес достаточно громко и при этом скосился в мою сторону.

Конечно, можно было промолчать, но вот только при разделе добычи это мне наверняка аукнется. И полученная доля едва ли окупит изношенные за время пути сапоги.

– Как я понимаю, это плевок на мою тень? – повернулся я к Язве, левой рукой почесывая спину. По странному стечению обстоятельств теперь моя ладонь почти касалась рукояти заткнутого сзади за пояс кинжала.

Тот гнусно скривился, но ничего ответить не успел – незаметно для нас рядом оказался чем-то весьма недовольный Марк Брага.

– А ну пошевеливайтесь! – рявкнул он и поправил сбившийся ремень кирасы. – А то ползете как ишаки беременные!

Мы замолчали и начали нагонять остальной отряд. Пререкаться с Марком желающих не нашлось. Да и не думаю, что кто-нибудь в дружине решится на это без очень и очень весомых причин. Посмотрев на утреннюю разминку Браги с тяжеленным бастардом, который в его руках порхал как бабочка, я тоже этого делать не собирался. По крайней мере, из-за таких пустяков.

Давно уже разменявший пятый десяток лет, помощник Анджея производил впечатление древнего дуба. Пересекавшие его лицо и шею морщины и шрамы только усиливали это впечатление. Темно-рыжие волосы и короткая бородка были обильно украшены сединой, которая придавала им оттенок смешанного с солью молотого перца. Чуть пониже меня ростом, он был такой же широкоплечий, как и Арчи.

Язва и колдун поспешили вперед, теперь мы шли втроем.

– Не нравится мне этот лес, – неожиданно ни с того ни с сего произнес Арчи.

– Понятно дело, кабаки тебе нравятся больше, – тут же подколот его Габриель.

– Не в этом дело, Шутник, не в этом. Эх, Кира жалко, он бы меня понял, – не обратил на подначку внимания здоровяк и, достав из дорожного мешка легкий шлем, начал расправлять стеганый подшлемник. – Пойдемте быстрее. Надо остальных догнать.

Я тоже почувствовал какое-то смутное беспокойство, но, в чем дело, понять так и не смог. Может, горец и разобрался бы в происходящем. Вот только вчера он не удержался и все же ввязался в драку с одним из гномов. Карлик отделался отрубленными пальцами левой руки, а Киру не повезло гораздо больше: тяжелый молот проломил ему череп.

Мы начали огибать заросший деревьями крутой холм, когда Арчи резко остановился, а из кустарника на тропинку высыпали вооруженные люди. Раздался звон оружия и крики раненых. С холма полетели стрелы, и я с ходу нырнул с тропы в кусты: лучников не должно быть много, иначе не было никакого смысла в лоб атаковать хорошо вооруженный отряд.

Продравшись сквозь ветви кустов, я оказался в тени деревьев и сразу же припал к земле. Лучи солнца почти не проникали сквозь густые кроны, и здесь царил полумрак. Впрочем, это даже к лучшему: с тенями и темнотой отношения у меня неплохие.

Вытащив кинжал и по возможности стараясь не шуметь, я направился туда, где, по моим прикидкам, должны были располагаться стрелки. И действительно, почти сразу же в темно-зеленой стене орешника мелькнуло светлое пятно – похоже, именно там кто-то заранее обломал ветки, расчистив бойницу для лука.

Увлеченный стрельбой лучник не расслышал моих шагов, и узкое лезвие кинжала, пропоров кожаную безрукавку, легко вошло ему под левую лопатку. Сведенное предсмертной судорогой тело выгнулось дугой, но почти сразу же обмякло. Я медленно опустил его на землю, тихо выдохнул сквозь сжатые зубы воздух и потянул на себя рукоять. Клинок выскочил неожиданно легко, и мне невольно пришлось отступить на шаг назад.

Под ногой хрустнула одна из воткнутых лучником в землю стрел, и я замер на месте, озираясь по сторонам. Легкий шорох над головой предупредил об опасности и заставил отпрыгнуть в сторону за мгновение до того, как в прелую листву рядом с покойником воткнулась выпущенная с соседнего дерева стрела.

Промахнувшийся стрелок отбросил лук и, на лету замахнувшись короткой саблей, спрыгнул с насеста – острие клинка, едва не разрубив мне скулу, мелькнуло прямо перед лицом. Зло выругавшийся бандит с трудом устоял после приземления на ногах, но тут же, не оставив мне времени выхватить мечи, снова атаковал. Увернувшись от просвистевшей по широкой дуге сабли, я ткнул кинжалом в лохматую голову, но, не завершая удара, резко повел лезвие вниз. Хорошо заточенное острие полоснуло по не защищенному кожаной рубахой предплечью, и, зашипев от боли, разбойник перекинул саблю в левую руку.левой рукой он владел ничуть не хуже, и мне снова пришлось отпрыгнуть, уклоняясь от нового замаха. Сабля впустую рассекла воздух, и на землю полетели срубленные листья.

Рисковать жизнью и состязаться с ним в фехтовании теперь было просто-напросто глупо. Сам кровью истечет. Ну что, поиграем в догонялки? Поняв, что я просто выжидаю, пока он обессилеет, разбойник заорал и, подняв саблю над головой, рванул ко мне.

Прыжок в сторону, укол кинжалом.

Лезвие сабли засело в толстой ветви, кинжал вошел лучнику меж ребер. Не удержавшийся на подкосившихся ногах разбойник растянулся на земле, и от сильного рывка рукоять кинжала выскользнула из моей вспотевшей ладони. Скорее всего, лучник был уже мертв, но я не стал искушать судьбу: сначала, оттянув голову за длинные засаленные волосы, перерезал ему засапожным ножом горло и только потом перевернул на спину и вытащил засевший в боку клинок.

Когда я, продравшись сквозь кусты, вернулся на тропу, схватка уже закончилась и тела нападавших стащили на небольшую полянку. Мертвецов было десятка полтора. Одеты в какое-то рваньё, нормальных доспехов нет ни у кого, разве что на одном бородаче прорубленная в нескольких местах ржавая кольчуга, да у парня с рассеченной головой добротная стеганая куртка. Оружие тоже не ахти: на тропе остались валяться в основном зазубренные топоры и окованные железом дубины.

Мы потеряли троих, еще несколько человек отделались ушибами и порезами. Из убитых я знал только отрядного тайнознатца Захара Осоку. Хреново.

– Кейн, сучий потрох, чтоб тебя разорвало! – Судя по тону, настроение у Дубравы было отвратительней некуда. – Где тебя черти носили?!

– Там двое лучников было.

– Ну и чего так долго? – У Марка настроение было еще хуже, и тому имелось весомое основание: его дубленую шкуру украсил свежий порез, протянувшийся по шее от уха до ключицы. Неужели стрелой так кожу распорол?

Я только пожал плечами. Не говорить же, в самом деле, что, прежде чем вернуться, я обшарил трупы? Ничего особо ценного найти не удалось, но теперь мой кошелек потяжелел на пару медных корон и пяток щитов. Мелочь, а приятно.

Позади зашуршали кусты, из них с метательным топориком в руке вылез отрядный следопыт Петр Травинка – жилистый и совершенно лысый заозерец лет тридцати. Я еще ни разу не слышал, чтобы Травинка сказал хоть пару слов, вот и теперь он только поднял ладонь с двумя выставленными вверх пальцами. Анджей его прекрасно понял и повернулся ко мне:

– Неплохо, Кейн. Эти гады Захара подстрелили.

Я молча кивнул. Да уж, нехорошо с Осокой получилось – теперь у нас остался только один колдун, способностей которого никто толком не знал.

– Совсем разбойники в лесу одичали. Нас же три человека против их двух было! – придерживая забинтованную руку, подошел ко мне Янек.

– Попадись им промысловики или контрабандисты, может, чего и выгорело бы, – пожал плечами Арчи.

– Я так думаю, им в «Хромом кузнеце» на нас наводку дали, – настороженно зыркнул в сторону кустов Язва. – Трепанул кто по пьяни языком, куда идем, вот и подкараулили.

– А место для засады они как выбрали? Никто не знал, что мы этой дорогой пойдем. – Змейка подобрал валявшийся на земле выщербленный нож и метнул в дерево. Нож ударился о ствол рукоятью и отлетел в траву.

Язва только пожал плечами и потер перебитый нос.

– Я вчера со стражниками поговорил – они отряд карателей со дня на день ждали, – остановился рядом с нами Семен Лебеда – высокий, коротко стриженный мечник, длинные светлые усы которого слиплись от пота, а кованый наплечник пересекала свежая царапина. – Эта шваль могла нас за них принять.

– И что, они на карателей накинуться не побоялись? – удивился я.

– Лучше уж самим напасть, чем ждать, пока тебя из норы выкурят. Хоть какой-то шанс есть. – Арчи вытер заляпанный кровью носок сапога о траву и пошел к махнувшему ему рукой Анджею. Язва направился следом.

– Смотри, Янек. – Я огляделся по сторонам и, убедившись, что поблизости никого нет, продолжил: – До храма уже рукой подать, а тут всякая шваль ошивается. Уж не почистил ли кто до нас развалины?

– Да кто в здравом уме в топи ползет? Без карты там делать нечего. Гиблое место. Можно год плутать и ничего не найти. И говорят еще, морок там наведен.

– А откуда у Браги карта?

– Чего не знаю, того не знаю, – ухмыльнулся Янек. – Хочешь – сам у него спроси.

– Да ладно, забудь... – махнул я рукой, но предчувствия у меня были самые безрадостные. Морок наведен... Навести – не проблема. Но его же постоянно поддерживать надо.

– Да все будет нормально! Кстати, ты зачем столько зубочисток с собой таскаешь? Ножей одних вон сколько. Купил бы себе лучше меч нормальный.

– Обычай у нас на севере такой, – соврал я.

На самом деле вместо уроков фехтования мне больше нравилось пить пиво. Да и отношения с учителями не заладились с самого начала... Поэтому с длинными клинками обращаться по-настоящему так и не научился. Вот с ножами и кинжалами у меня проблем не было – с ними приходилось практиковаться с самого детства. Семейная традиция, заberi ее тень.

А интересно, что бы сказал Янек, узнай он про припрятанные стилет, удавку и зачарованную метательную звезду?

Решив больше ничего не объяснять, я развернулся и чуть не наткнулся на подошедшего Шутника, который задумчиво рассматривал свой кистень. Заметив

проявленный интерес, тот сунул шипованный шар мне под нос:

– Почистить не поможешь?

Шар полностью был заляпан кровью, лоскутами кожи и чем-то еще не менее отвратительным на вид.

– Не, ты уж как-нибудь сам, – отказался я.

Вскоре Анджей и Марк начали наводить порядок, и вся дружина, за исключением трех дозорных, выстроилась на небольшой полянке. Раненых наскоро перевязали, более-менее ценные вещи с убитых поделили между оставшимися в живых.

Арчи предложил было закопать трупы дружинников, но, кроме темноволосого худощавого и жилистого усача Ежи Петельки по прозвищу Висельник, его никто не поддержал: все стремились поскорее добраться до храмовых сокровищ. Да и с каменистой почвой, пронизанной корнями деревьев, никому возиться не хотелось. Наскоро завалив трупы камнями и срезанным дерном, мы отправились дальше.

Вскоре тропа начала уходить в сторону, и нам пришлось пробираться по лесу напрямик. Сверяясь с картой, Брага постоянно поглядывал на мелькавшее сквозь ветви деревьев солнце и высматривал одному ему известные приметы. Ближе к полудню лес начал редеть, то и дело стали попадаться заросшие мхом поваленные деревья, а густая темно-зеленая трава, наоборот, вымахала почти до пояса. Под ногами захлюпала пропитанная водой земля. Выходит, до болот осталось всего ничего.

Так оно и оказалось. Сначала потянулись густые заросли невысоких ив, а за ними заблестела окнами открытой воды заросшая высокой травой и камышом топь. Зависшее в зените солнце нещадно палило, и от болота поднималась густая пелена испарений.

И – никого. Ни людей, ни животных. Разве что неподалеку медленно вышагивала высматривавшая лягушек цапля, да какая-то пичуга при нашем появлении упорхнула в камыши. Ну и непременно стрекозы стремительно сновали над высокой травой. Из всех обитателей болот внимание на нас обратили лишь

слепни и оводы. Хорошо хоть мошкары и гнуса нет.

– Пошли! Пошли! Чего встали?! – прорычал Марк и первым ступил на покачивающийся под ногами и пропитанный мутной вонючей водой ковер болотных трав.

– По сторонам смотрите, местные болтали, болотных гоблинов не всех еще вырезали. – Анджей внимательно оглядел дружинников и пошел к дожидавшемуся нас Браге. – Да и живность здесь дюже беспокойная.

Пришлось растянуться в цепочку и двинуться вслед за ними. Марк, проверяя путь срезанным в лесу посохом, прыгал с кочки на кочку и лишь иногда поглядывал на карту. И хотя никаких приметных ориентиров, даже сухих деревьев, в округе не наблюдалось, но в топь помощник Анджея нас ни разу не завел, пусть и пришлось порядком пропетлять в зарослях камышей. В одном месте так и вовсе, ища путь в обход трясины, вернулись на две сотни шагов назад.

Уж не знаю, каким чудом Марку удавалось выбирать безопасную дорогу – не иначе тени на ушко нашептывали, – но самые гиблые места мы обошли стороной. И это было просто здорово, а то постоянно кто-то соскальзывал с кочек и проваливался в болото. Самые невезучие погружались в мутную холодную воду по грудь, просто сделав один неверный шаг. В такие моменты обычно спокойно дремавшие в осоке лягушки бросались врассыпную, а гревшиеся на солнце ужи торопились уползти в камыши. К сожалению, заранее срубить посох мне в голову не пришло, и вскоре у меня в сапогах заплескалась жижа, а штаны оказались до середины бедра заляпаны болотной грязью.

Когда через несколько часов этих издевательств в дымке поднимающегося от болота марева показался силуэт пологого кургана, Брага удовлетворенно хмыкнул, спрятал карту в кожаный чехол и, вытерев вспотевшее лицо, побрел к холму.

Неужели дошли? Похоже на то.

Без особых сложностей добравшись до кургана, мы первым делом принялись выливать воду из сапог, срезать толстых черных пиявок и очищать одежду от налипшей болотной жижи. Толку, честно говоря, от этой возни было немного. В

конце концов пришлось смириться с тем, что ближайшие несколько дней мы будем вонять болотом, а одежда станет скрипеть и хрустеть при каждом движении.

Первым не выдержал Язва – он упер руки в бока и уставился на Брагу:

– Ну и где этот долбаный храм? Или мы сюда приперлись, чтобы в грязи изваляться?

– Грязь можно было и поближе найти, – поддержал его Шутник.

– Заткнитесь оба, – отмахнулся от них Марк и начал вполголоса что-то объяснять ни на шаг от него не отходившему тайнознатцу.

Тот, внимательно его слушая, время от времени кивал, потом на несколько минут задумался и, присев на корточки, начал вырывать густую траву. Кое-как очистив небольшой пятачок, тайнознатец вытащил из рукава остро заточенную деревяшку и принялся чертить на земле какие-то символы. Много времени приготовления не заняли, да и сама волшба прошла весьма буднично: разрисованная колдовскими символами земля моментально высохла и растрескалась, а остатки невырванной травы принялись тлеть и куриться легким дымком. Заклинатель выпрямился и что-то тихонько сказал Марку. Стоявший неподалеку Анджей, видимо не расслышав слов, нахмурился, но переспрашивать не стал.

– Ищите проход, – распорядился Брага и вытащил из заплечной сумы связку просмоленных факелов. – Внутрь не лезьте, если жизнь дорога!

Я покосился на Анджея, но тот оставил самоуправство помощника без внимания. Странно. Очень странно. Слишком много на себя Брага берет. Надолго ли у командира терпения хватит? И вот еще что непонятно: у Дубравы на клинке я клеймо с хорьком приметил – знак цеха оружейников Северного Гальда, а у Марка на бастарде крылатый волк скалится. И есть у меня ощущение, что это не подделка и полуторник на самом деле работы мастера Ран-Лиры из Медвежьего Склона. А его работы, считай, самое меньшее раза в полтора-два дороже ценятся, чем гальдское оружие.

Темный провал в кургане обнаружился почти с противоположной стороны, и вскоре вся дружина собралась там, разглядывая уходящие во тьму ступени. Судя по всему, спускаться придется очень глубоко. Тут главное, чтобы проход затоплен не был. Да нет, ступени хоть и влажные, но воды не видно.

Змейка метнул в провал камушек, и тот зацокал в темноте. Плеска не слышалось.

- Сдурел?! - Дубрава отвесил Янеку подзатыльник, и парень, втянув голову в плечи, быстренько ретировался от провала.

- Ты б еще подудел туда! - Висельник вытащил из мешка и принялся расправлять подшлемник.

- Да ну вас, - потер затылок Змейка и, опустившись на корточки, занялся ремнями небольшого, обтянутого кожей щита.

Пока все проверяли оружие и доспехи, я присел рядом с ведущими вниз ступенями. Ни черта не видать! Темно, как у теней за пазухой. От грубо отесанных каменных плит тянуло сырой стылостью, и, чем больше я всматривался во тьму, тем меньше мне хотелось туда спускаться. С чего бы это? Никогда раньше темноты не боялся. Вытащенные из ножен мечи прогнали непонятное ощущение беспомощности, но неприятный осадок все же никуда не делся, и от этого было немного не по себе.

- Ну что, выступаем? - проверив, легко ли выходит из ножен бастард, повернулся Марк к Анджею, который еще возился со шлемом.

- А кто наверху останется? - Командир поправил кольчужную бармицу и натянул латную перчатку.

- Зачем? Никто сюда не сунется...

- Арчи, ты остаешься, - не изменил своего мнения Дубрава и обнажил меч. - Проход широкий, так что идем по три человека. Двинули.

Я оказался во второй тройке вместе с Ежи Петелькой и Лехом Зарницей. Висельник недовольно вертел головой по сторонам и то и дело проверял ногтем заточку длинной сабли. Лех – высокий парень на пару лет постарше меня – спокойно шагал, клацая о ступени железными набойками сапог.

– Лех!.. – прошипел шедший за нами Язва. – Тише ты...

– Угу, – хмыкнул тот, переложил в левую руку увесистую булаву и поправил кольчужный ворот.

Подошва сапога едва не соскользнула со стертой ступени, и, глубоко вздохнув, я прогнал из головы посторонние мысли и дурные предчувствия. Не до того сейчас.

Отблески факела спускавшегося первым Петра Травинки едва разгоняли поджидавшую отряд тьму, и на грубо отесанных стенах танцевали наши странно искривленные тени. Следопыт шел не торопясь, напряженно вглядывался в темноту и постоянно, словно убирая затянувшую проход паутину, водил перед собой из стороны в сторону коротким топориком.

Немного потеснив Язву, сзади спускался тайнознатец, и от его тихого монотонного бормотания на затылке зашевелились волосы. Никогда в жизни не боялся закрытых помещений и пещер, но сейчас, по мере продвижения вниз, меня начинало все больше охватывать какое-то непонятное чувство обреченности. Сырые и осклизлые ступени так и норовили вывернуться из-под ног, а камень потолка давил, словно уже положенное на могилу надгробие.

Не останавливаясь, я сунул один из мечей в ножны и вытащил метательную звезду. Большой палец привычно скользнул по покрывающим все четыре лезвия рунам, и холодная тяжесть черного металла, как обычно, подействовала успокаивающе. Смысл выбитой на железе тарбарщины был мне неизвестен, но отдавший звезду за долги человек клялся и божился, что отклонить ее бросок невозможно никакими чарами. Сейчас мне это показалось весьма кстати: подземелье было просто пропитано непонятной магией. В самом деле, спустились-то мы уже прилично, а вода в проходе так и не появилась. Разве что в нескольких местах капало с потолка.

Наконец лестница закончилась, и мы вошли в темное помещение. Света двух факелов не хватало, дальние стены и потолок терялись во тьме. Несший второй факел Висельник прошел вглубь, и отблески огня заиграли на пронизывающих каменные стены жилках горного хрусталя. Я даже невольно засмотрелся. Красиво. А в сочетании с нашими тенями – жутко.

– Простой хрусталь, – подтвердил мое предположение Янек, отколупнувший от стены камешек.

– А ты чего ждал, рубиновых россыпей? – съязвил Шутник.

– Заткнитесь вы, – насторожился вдруг Ежи Петелька.

Мне почудилось какое-то движение в дальнем от нас углу, и я незамедлительно сместился в сторону от оставшейся позади лестницы. Есть там кто, нет? Или почудилось? Дружинники тоже замолчали и, выставив вперед оружие, напряженно вглядывались во тьму.

Отблески на стенах мешали что-либо рассмотреть, и человека в длинном светлом балахоне удалось заметить, только когда тот сам вышел на освещенное факелами пространство. Лицо скрывала тень капюшона, но что-то в его фигуре показалось мне смутно знакомым. Еще б понять – что именно...

Первым среагировал Петр. Видимо, резонно рассудив, что ничего хорошего от незнакомца в таком месте ожидать не приходится, он, не говоря ни слова, метнул в него свой топорик. Не долетев до цели нескольких шагов, топор осыпался на пол ржавчиной и древесной трухой.

Жрец – а кто еще может обитать в этом тенями забытом месте? – поднял руки над головой, и меж его сжатых кулаков сгустилось туманное облако. Мгновение, и оно начало наливаться лунной желтизной.

Сделав шаг вперед, я кистевым броском швырнул метательную звезду из-под руки державшего факел Петра Травинки. Не успевший завершить волшбу жрец покачнулся и упал навзничь: мой бросок оказался удачным, и звездочка угодила ему в горло. В тот же миг туман развеялся, будто обычный дым.

И тут я наконец понял, что именно меня насторожило – покрой балахона заклинателя один в один повторял покрой плаща присоединившегося к отряду тайнознатца. Простое совпадение? Ага, как же...

Не колеблясь ни мгновения, я резко развернулся и локтем левой руки заехал в маячивший сбоку капюшон колдуна. Его нос хрустнул, постепенно усиливающееся бормотанье разом оборвалось, и тайнознатец мешком повалился на пол.

После удара меня развернуло, и я краем глаза заметил, как в отражавшемся от хрусталя призрачном сиянии факелов в руке стоявшего на ступенях Марка Браги сверкнул стеклянный шар. Возникший позади него Арчи правой рукой зажал ладонь с шаром, а левой крутанул голову помощника Дубравы вбок. Хрустнули позвонки, завалившийся на спину Брага съехал по ступеням вниз.

Что за чертовщина?!

Вот только выяснять, что происходит, времени уже не оставалось: из скрывавшегося во мраке подземелья прохода к нам выскочили смутно различимые в темноте люди в светлых балахонах. Полыхнувшие вспышки молний полоснули по глазам, нескольких попавших под удар боевых чар дружинников сбilo с ног, и в нос ударила вонь паленых волос и горелого мяса.

Не собираясь разделять участь сгоревших заживо дружинников, я перекатился по полу и, ухватив направленный на меня посох, задрал его вверх. Из навершия посоха ударила молния, с потолка хлынул дождь раскаленной каменной крошки, несколько осколков обожгли шею.

Тень! Не вижу почти ничего – сплошные блики перед глазами.

Худой как щепка жрец рванул посох на себя, но зажатый в левой руке мечом я ткнул его в низ живота и сразу же рухнул на колени, уклоняясь от удара сбоку. Переливавшийся мутной белизной жезл прошел над головой и врезался в стену. На пол рухнул целый пласт размякшего камня. Мгновенно откатившись вбок, я чудом избежал повторного замаха: искрившийся от смертоносных заклятий жезл провел по полу длинную глубокую черту. Жрец перехватил посох двумя руками, замахнулся, но вдруг застыл на месте – ртом у него хлынула кровь, а из груди проклюнулся наконечник воткнутого в спину копья.

Схватка закончилась так же неожиданно, как и началась. Двое оставшихся в живых жрецов попытались скрыться в темном проходе, но далеко убежать не успели: несколько точно брошенных метательных ножей навсегда отправили их в край теней.

Снявший шлем Анджей не стал терять время и разбил дружину на две части: одна под предводительством Лебеды бросилась обыскивать подземелье, вторая занялась оказанием первой помощи раненым. Янек, зажав в охапку вытащенные из сумы Марка факелы, закреплял их в ржавых держателях, а добровольно вызвавшийся Висельник переходил от одного распростертого на полу тела жреца к другому и методично отрубал головы. Клинок своей сабли он портить не решился и орудовал одолженным у кого-то топором. Это Анджей правильно придумал – с тайнознатцами по-другому никак нельзя...

И все же какая чертовщина творится в отряде? Арчи свернул шею Браге, а теперь как ни в чем не бывало стоит и разговаривает с Анджеем, который все это прекрасно видел. Другие дружинники тоже настороженно нет-нет да и косились на труп помощника Дубравы, но с расспросами никто не лез.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Анклав – заселенная гномами территория Синих гор к юго-западу от Империи. С юга и юго-востока граничит с Восточным Норлингом, с запада омывается Олькским морем. – Здесь и далее примеч. авт.

2

Каратели – отряды численностью обычно в две-три дюжины человек, занимающиеся розыском преступников, ликвидацией банд, реже участием в подавлении бунтов. Состоят на службе у маршалов (на землях, находящихся под прямой юрисдикцией Церкви, подконтрольных Инквизиции).

3

Медяк – медная монета номиналом в щит. $10 \text{ щитов} = 2 \text{ шлема} = 1 \text{ корона}$.
 $1 \text{ золотой щит} = 10 \text{ серебряных щитов} = 500 \text{ медных щитов}$.

4

Шлем – здесь: номинал монеты.

5

Серебряк – серебряная монета номиналом в полщита.

6

Локоть – здесь около сорока сантиметров. Равен четырем ладоням или двадцати пальцам.

7

Восстание Серебряных плащей – вылившийся в вооруженное столкновение отказ вольного города Арген признать власть Церкви после смерти последнего императора – Карла Бездетного. Восставшие были поддержаны частью крупных землевладельцев и Гильдией тайнознатцев. Длившееся четыре года противостояние закончилось победой церковных войск, в результате чего лендлорды лишились части привилегий, Гильдия тайнознатцев была распущена, а Арген сровняли с землей.

8

Дружины – базирующиеся в Заозерье военизированные подразделения, основной задачей которых является отражение набегов степных орков и ответные рейды в степь. В свободное от службы время многие дружинники подрабатывают охраной торговых обозов, поимкой объявленных в розыск преступников, наймом на службу к лендлордам и т. д.

9

Тайнознатец – первоначально получивший классическое образование и вступивший в Гильдию тайнознатцев колдун. С роспуском Гильдии, которая была создана наиболее могущественными школами тайных искусств – Домами Волн, Искр, Тлена, Судьбы и Крови, – название распространилось на всех заклинателей.

Купити: <https://tellnovel.com/pavel-kornev/put-keyna-sbornik>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)